

А

Пётр Николаевич Краснов

Понять-простить

Издание: Краснов П.Н. Сочинения: В 2 кн. Кн. 2. Понять - простить / Состав. и вступит. статья М.Д. Филина. -- Серия "Литература русской эмиграции". -- М.: НПК "Интелвак", 2000.

Обработка текста: Кузинков А.М. (zeba_83@rambler.ru)

Печатается с некоторыми сокращениями по изданию: Краснов П. Н. Понять -- простить. Роман.

К-во "Медный всадник", 1924.

Отпечатана в типографии Р. Ольденбург в Мюнхене в количестве пяти тысяч экземпляров. Обложка работы М. Л. Урванцова

Оригинал здесь -- <http://krasnov-don.narod.ru/knigi/knigiK/PP/index.html>

Часть первая

I

Дождь... дождь. Он идет, то мелкий, нудный, еле заметный, точно туман падает на улицу, то с порывом теплого весеннего ветра налетит крупными каплями, бодро зашумит по зонтикам, и заблестят под косыми струями черные тротуары и скользкий асфальт мостовых. На минуту разорвутся тучи. Будто отодвинет кто-то в небе занавески, и желтое солнце, мокрое, еще плачущее, проглянет из серых туманов. Слышнее шелест резины колес автомобилей. Четко стучат подковы редких лошадей.

Париж кипит, течет черными потоками раскрытых зонтиков, устремляется каскадами под землю в метро и разливается реками по авеню вокруг Орега.

Париж победитель! Спокойный, властный, сытый, довольный, заваленный продуктами и товарами.

В нем таким одиноким чувствует себя Светик Кусков -- бывший русский, бывший офицер-гвардеец, бывший доброволец Деникина, бывший врангелевец, бывший галлиполиец, бывший чернорабочий на лесных заготовках в дебрях Югославии, а теперь... Он не знает и сам, что он. Вернее всего -- белый раб, ищущий покупателя. Едва ли -- не бывший человек.

Он приехал в Париж по поручению группы товарищей, на собранные ими деньги, чтобы разведать и узнать: на что же надеяться? о чем мечтать? когда же будет просвет? с кем идти?.. Или навсегда оставаться белыми рабами, спать в каменной развалине без окон, на грязном земляном полу, толпиться вечерами возле дымной печки, где сушится рваная обувь и одежда, и задолго до света карабкаться, цепляясь за веревку, в горы, чтобы там валить деревья. Там и умереть... Как умерли Кругликов, Стронский, Солдатов, Баум, Осетров, Полянский и многие, многие из их полка. Умереть от воспаления в легких, от болезни сердца, от тоски по Родине, от смертельной усталости -- не все ли равно от чего! И не видеть больше России.

Кусков приостановился на мосту. Осмотрелся. Солнце прорвалось сквозь тучи и голубыми ласточками заиграло в сером кипящем потоке реки. Зазолотился двуглавый орел на белом мосту императора Александра III. Показался Кускову почему-то печальным и одиноким. В косматых, черных обрывках туч тонула Эйфелева башня. Вершина ее, точно оторванная от основания, висела в клочке зеленоватого неба и, казалось, плыла со всеми остриями беспроволочного телеграфа, уносясь в беспредельность.

Кусков справился по плану. Он сильно забрал влево. Следовало бы спросить. Но спросить было совестно. Все были такие элегантные, в модных шляпах с широкими полями "bercalliere", в легких пальто, сухие под зонтами. Он один был мокрый, в стоптанных ботинках и штанах без четкой складки. -- "Найду и так". -- Он поднялся вверх по Сене и вошел в Тюильрийский сад. Точно раздвинулся Париж. Раскрылись ширь, и красота далеких перспектив Елисейских полей.